

Памяти Леонида Абрамовича Гордона

22 августа 2001 года ушел из жизни блистательный ученый и замечательный человек Леонид Абрамович Гордон.

Мы предлагаем читателям малую часть воспоминаний коллег и друзей о Л.А. Гордоне. Мы публикуем лишь малую часть добрых слов, собранных другом и коллегой А.К. Назимовой. Подборка материала — СЮ. Барсуковой.

Э. Клопов:

С Леонидом Гордоном мы были знакомы и дружны больше полувека, из них 35 лет работали вместе — и не просто в одних и тех же институтах, но в единой команде как соисполнители нескольких исследований и как соавторы многих книг и статей.

Наверное, все более или менее следившие за работами Леонида Абрамовича заметили, что большинство из его работ подписано, кроме него самого, еще одной, двумя, а то и тремя фамилиями. Но это не тот случай, когда шеф благосклонно разрешает вписать свою фамилию в число авторов, выполнявших какое-либо исследование и реально изложивших эти результаты в форме статьи или книги. Не то было у Гордона: как правило, это он вписывал фамилии своих сотрудников, помогавших ему в исследованиях, но практически не участвовавших в написании статей или книг, завершавших эти исследования.

Ему нравился сам процесс работы (естественно, не больше, чем ее смысловая сторона). Для него это было действительно творчество, что проявлялось даже в его почерке («у меня барочный почерк» — с гордостью говорил Леонид). Такими же «барочными» нередко были и его размышления о том предмете, которым он бывал занят в тот или другой момент, так что при чтении его работ иногда было непросто продрасться через вязь его пассажей. Он это знал и просил (особенно в последние годы) упрощать по возможности его усложненные пасы. Правда, сделать это было нелегко, прежде всего потому, что если ты умел понять суть, смысл его рассуждений, то кажется, что именно так они и должны излагаться, поэтому обычно мои вмешательства в его тексты были минимальны.

Конечно, мне очень, очень горько потерять такого друга, очень жалко, что мне уже не удастся поработать с таким талантливым человеком, как Леонид Гордон. Но хорошо уже то, что удалось.

А. Назимова:

Рядом с ним было очень интересно работать. Он был азартен во всем, что делал, и его энергия и вкус к работе, его одержимость стали той планкой, до которой каждый из его коллег стремился дотянуться. Когда по утрам он распахивал дверь комнатки, где ютился наш отдел, то его первыми словами были: работать, работать. Его особенность была в

том, что он не любил работать один — ему всегда нужна была аудитория, на которой он оттачивал аргументы, проверял идеи, вовлекая слушателей в творческую атмосферу своих поисков. Поэтому он так любил семинары — не те, где докладывается готовая до последней запятой работа, а те, где речь идет о «полуфабрикате», когда идеи еще не до конца ясны, когда больше вопросов, чем ответов. И первым выносил свои размышления на суд товарищей. Наши семинары такого рода длились много часов, на них не было молчаливых, не было равнодушных. Любое замечание, любую поддержку или опровержение его научных построений, развитие его идей он принимал с восторгом, как бы резки или, напротив, робки они ни были.

Интересно было наблюдать за его творческим процессом. Когда мы писали нашу совместную книгу, часто бывало так: я приходила к нему, чтобы продолжить прерванную накануне работу, которую я считала уже практически готовой, и Леня встречал меня в дверях радостным восклицанием: «Все надо писать не так, все будем переделывать». Я внутренне раздражалась, мне казалось, что лучше не скажешь, но он был неумолим. Чувствуя мое внутреннее сопротивление, он цитировал Диккенса: «Домби должны делать усилия». И каждый кусок переделывался по четыре-пять раз. А перед тем, как садиться писать, мы долго обсуждали, что именно слабо, где неясность мысли, где она неадекватно выражена. Он любил слово, всегда тщательно подбирал именно то, которое наиболее точно выражало то, что ему хотелось сказать. Я поражалась тому, как непрерывно, напряженно работала его мысль.

Органичной частью нашей общей работы в отделе были обсуждения того, что называется «политикой» — это было не только частью нашей профессии, но и внутренней потребностью. Леонид был закоперщиком таких бесед. Разговор всегда начинался с его «заковыристого» вопроса, который сразу заставлял всех нас включаться в обсуждение. Атмосфера в отделе, бережно поддерживаемая им, исключала оглядку на то, что какие-то темы могут быть опасны. Мы обсуждали афганскую войну, польские события 80-х годов, события в Горьком, связанные с Сахаровым, осторожно обменивались сам- и тамиздатом. А с началом перестройки такие обсуждения захлестнули нас. Далеко не во всем мы были согласны — и тем оживленнее и серьезнее шли обмен мнениями и споры. Он не жалел времени на убеждение несогласных, в особенности когда речь шла об оценке происходящего сегодня, сейчас, будь то чеченская война, выборы в Думу, скандал с НТВ. Его позиция всегда была точна, ее демократическая суть — выверена.

Ю. Левада:

Его никак не устраивала роль «потребителя» впечатлений и благ. Его активную натуру не удовлетворяла характерная для нашей среды позиция скептического критика, наблюдателя, насмешника. «Почему нас не зовут, не спрашивают те, кто решает?» Конечно, в таком вопросе можно усмотреть некоторую долю наивности — все же, скорее, риторической. И последние годы, как и более ранние, показали всем, что «те, кто решает» просто не нуждаются в разумных советах или предложениях. А он все равно советовал и предлагал.

Изредка он пытался надеть маску олимпийской невозмутимости, но не мог ее носить долго.

Цифры, данные исследований и статистики его интересовали больше, чем тексты и рассуждения. («Дайте мне результаты, и я всегда сумею их интересно истолковать».) Не знаю, кто еще мог с таким увлечением, взхлеб рассматривать длинейшие ряды показателей. В нашем журнале «Мониторинг общественного мнения» он внимательнейшим образом изучал вторую часть, таблицы; статьи его мало интересовали.

Он был типичнейший представитель нашего поколения «шестидесятников», на которое выпало в ушедшем веке больше всего переломов, надежд, увлечений и разочарований. Провожая его, глядя на тех, кто пришел проститься, нельзя было отделаться от мысли о поколении, безвозвратно уходящем. Но он никогда бы не согласился с тем, что это поколение ничего не оставляет после себя.

Памяти Леонида Абрамовича Гордона

Неисправимый идеалист, мечтатель, оптимист, он не умел падать духом и в самые мутные времена находил спасительные светлые проблески, доказывал необратимость фундаментальных перемен («а все-таки замечательно, что...»). В застойные 70-е годы он убедительно показал, что страна стала совсем другой по сравнению с 30-ми или 40-ми — образованной, урбанизированной. На рубеже нового века доказывал, что катаклизмы и провалы нашего общественного бытия нужно оценивать в рамках дальнейшей перспективы, как неизбежную временную плату за переход к новым горизонтам.

В любой компании, в любом деле он был вожаком, инициатором, энтузиастом, умел увлекать окружающих.

Спорить с ним было очень трудно, но интересно: он всегда убежденно отстаивал то, что обосновал фактами и считал правильным. Но умел слушать доводы оппонентов и уступать им без обид; он был настолько выше комплексов ущемленного самолюбия, что они просто не затрагивали его.

В. Шейнис:

Всегда Гордон был напряжен, ярк, оригинален. Не довелось ему узнать об американской трагедии в этом сентябре, но были глубокие, нетривиальные его размышления о новых проблемах и тенденциях всемирного развития. Мир, говорил он, к несчастью, не дорос до мирового правительства, а разляпистая ООН никак не может его заменить. Чтобы быстро и четко реагировать на новые вызовы, надо отказаться еще от одной «священной коровы» — пиетета перед государственным суверенитетом, нужны компактные и эффективные международные структуры. Их прообразы постепенно, может быть, слишком медленно, с огрехами и ошибками, но все же вырабатывает Запад. И выбор России, спасение России — в сотрудничестве, в ассоциации с этими структурами, а не в глупых фантазиях о «евразийстве», «многополюсном мире» и тому подобных выдумках, тешащих тщеславие наследников бывшей сверхдержавы. Эти идеи стали сегодня очень актуальны.

Я написал об интеллекте, провидчестве, гражданской активности моего друга — об этом можно говорить легко и долго. Но он был еще чутким, внимательным и отзывчивым к заботам, радостям и бедам окружающих людей. У него была щедрая и открытая душа — это хорошо знали все его друзья.

В. Ядов:

Описать кратко и достойным образом вклад Леонида Абрамовича в отечественную социологию совершенно невозможно. Я открыл недавно опубликованную книгу «Социология в России» и нашел в ней 32 фрагмента, посвященных работам Леонида Гордона: в области методологии и теории, исследований социальной структуры, трудовых отношений и производства, досуга и быта людей, а в последние годы — социальных движений, трудовых конфликтов и положения рабочих; они полны глубоких размышлений о нашем недавнем прошлом и ожидаемом будущем.

Леонид всегда оставался бойцом, готовым во всеоружии броситься в атаку и рвануться вперед к взятию высоты, каковую, скорее всего вместе со своим другом и соавтором Э. Клоповым, они наметили для штурма. Аргумент в доказательство: встречаемся в московском Доме ученых, и соавторы преподносят только что опубликованную «Человек после работы». Я говорю: «Фу, стибрили идею заголовка у нас со Здравомысловым». А Леонид в ответ: «Мы сознательно это сделали, чтобы в каталогах и на книжных полках они были рядом». Могут гордиться, что так и случилось. Книга сыграла огромную роль в повороте исследований свободного времени от описания реалий к их серьезному осмыслению и пониманию.

Другой навсегда запомнившийся мне случай имел место на первом семинаре только что созданного фонда М. Горбачева. В роли исполнительного директора фонда с программным докладом на тему о том, что из социальных теорий XX века останется ценным в наступающем столетии, выступил А.Н. Яковлев. В полуторачасовой лекции он

немало времени уделил критике Маркса. И первым, кто задал вопрос докладчику в начале дискуссии, был Гордон. Мой друг поднялся с места и произнес: «Александр Николаевич, Вы, бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии, не нашли у Маркса ничего такого, что было бы достойным войти в современное общественное сознание. Я, между прочим, никогда не состоял в коммунистической партии, но и сейчас полагаю, что Маркса как социального теоретика рано списывать в архив общественной мысли».

Леонид, будучи до предела самокритичным, стремился интегрировать, соотносить разные подходы, и методические, и по смысловому содержанию объяснения предмета анализа. Поэтому обращался и к историческому анализу, и к документам официальной статистики. (Как неожиданно и с каким великолепным результатом повернули Гордон, Клопов и Алла Назимова данные официальной статистики, рассматривая положение рабочего класса в СССР!) Придумывал новые способы многомерного анализа, задолго до бума качественных методов, первым в отечественной социологии; использовал их, исследуя рабочее движение периода начала перестройки; продемонстрировал продуктивность провоцирующей групповой дискуссии, работая в проекте с Аланом Туреном.

Печатные труды Леонида остаются на наших столах и в студенческих библиотеках. Но его искрометный, живой, острый, критический ум навсегда выпал из коллективного творческого процесса. И решительно никто его не заменит.

В. Шубкин:

С Леонидом Гордоном меня связывает много лет совместной работы в Институте международного рабочего движения Академии наук СССР. Хорошо было уже тогда известно, что Леонид Гордон — один из самых блистательных российских социологов, автор многих книг и научных трудов. Всем было известно, что он очень добрый и отзывчивый человек. Он всегда придет на помощь. Нужен отзыв на диссертацию — пожалуйста. Нужно выступить оппонентом — всегда знали, что Леонид никогда не откажет. И при этом было известно, что он кладезь мудрости, он принадлежал к той когорте социологов, которые вышли из исторических наук. Поэтому он прекрасно знал не только абстрактные теории, но и фактуру, подлинный ход исторического процесса.

Несомненно, что труды Леонида Абрамовича еще будут востребованы молодым поколением, ибо их отличает высокий профессионализм, учет не только эмпирии или абстрактных теорий. Они пронизаны духом историзма в самом высоком его понимании.

Л. Дробижева:

Леонид Гордон был очень значимым человеком для каждого из нас и общества в целом.

Еще в советское время он перешел из индианистики на изучение нашего общества, и каждая его книга, статья были событием, потому что отвечали на злободневные вопросы, над которыми думала лучшая часть нашей интеллигенции, которые обсуждали ученые. Он умел выбрать темы и предвидеть события.

Мы все очень ценили возможность посоветоваться с ним для того, чтобы определить свои собственные жизненные позиции. Помню, как обсуждали с ним возможность распада Союза. Он тогда сказал: «Прибалтику не сможем удержать, надо спасать остальное». И тогда мы участвовали в обсуждении возможных моделей будущего Союза. То, что он знал мировую историю, безразлично воспринимал все общественно значимые события в стране, всегда помогало ему взглянуть на каждую конкретную социологическую проблему широко и с альтернативными прогнозами.

В. Голофаст:

Чем бы Гордон не занимался, он сохранял выучку историка и широту взгляда статистика — это был его любимый материал. Статистику он пересчитывал со страстью, и многими объемными образами советского времени мы, коллеги, обязаны ему. Конечно, он слишком близко жил к политике, зная, что эта стезя не для него. Это его отвлекало, это его затягивало — мало у кого был такой динамичный темперамент. Лучше всего я пом-

Памяти Леонида Абрамовича Гордона

но его в полемике, или в блестящих радио-интервью по «Свободе» и другим каналам. Мы жили в эпоху распада идеологии и знали цену ее словам, а он, к тому же, знал и авторов почти всех новых слов. Поэтому он ценил твердые факты и интересные идеи.

И. Кон:

В нем не было ни малейшего цинизма или приспособленчества. Он любил спорить, но то, что он говорил дома, отличалось от его публичных выступлений лишь по степени, а не по существу. Чем бы он ни занимался, научная работа была для него не средством, а способом существования. Так было и в советское время, и в после-перестроечной России. Мне было бы трудно представить себе Гордона, ушедшим из социологии в бизнес или какой-то политической пиар.

В истории российской социологии от Гордона останутся не только его книги и научные отчеты, но и стиль жизни.